

11. Кусько К. Проблемы лінгвістики та лінгводидактики у світлі нових наукових парадигм // Прикладна лінгвістика у ХХІ столітті: лінгводидактичні та культурологічні стратегії. Праці міжнародної наукової конференції. — Львів, 2003. — С. 34-35.
12. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём // Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990. — С. 387-415.
13. Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990. — С. 355-386.
14. Ортега-И-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990. — С. 68-81.
15. Плаксина Г. В. Языковые параметры каузальности в русских текстах по лингвистике. Диссерт... канд. филол. н. — Днепропетровск, 1996.
16. Потєбня А. А. Из записок по теории словесности. — Харьков, 1905.
17. Потєбня А. А. Слово и миф. — М.: Изд. "Правда", 1989.
18. Русская грамматика. Т. 1, 2 / Под ред. Н. Ю. Шведовой. — М., 1980.
19. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации. — К., 2002
20. Скребцова Т. Г. Уровни метафоричности дискурса // Когнитивные сценарии коммуникации. — Симферополь, 2002. — С. 193-195.
21. Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. — М.: Высшая школа, 1989.
22. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). — Екатеринбург, 2001.
23. Якубинский Л. П. История древнерусского языка. — М. — 1953.
24. Яценко Т. А. Современные лингво-методические основы изучения причинно-следственных отношений в иноязычной аудитории // Учёные записки ТНУ им. В. И. Вернадского. Т. 15 (54) №2 : Филологические науки.— Симферополь, 2002. — С. 97-104.
25. Яценко Т. А. Лингвокогнитологический подход к изучению отношений обусловленности (в печати).

Статья поступила в редакцию 14 февраля 2004 г.

УДК 811.161.1:81'42

Л. Е. Бессонова

КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Современная лингвистика характеризуется появлением новых направлений, обусловленных интегративной тенденцией развития гуманитарных наук. Так, одним из предметов лингвистических исследований является политическая коммуникация, которая отражает существующую политическую реальность, изме-

няется вместе с ней, участвует в создании и организации политической картины мира в сознании человека. Изучение языка политики в процессе отражения описывает многообразные взаимоотношения между языком, коммуникацией, субъектами политической деятельности и политическим состоянием общества. Весьма ценным при этом является дискурсивный подход к исследованию политических текстов, то есть “исследование текста, погруженного в ситуацию реального общения, как сложного коммуникативного явления, включающего знания о мире, мнения, установки, цели адресата, необходимые для понимания текста” [1, с. 8].

Как показывают специальные обзоры (П. Сериио, П. Б. Паршин, А. Н. Баранов, Ю. А. Сорокин, Н. А. Купина, А. П. Чудинов, В. И. Карасик, Е. И. Шейгал), наука сегодня не имеет единого понимания содержания и признаков *политического дискурса и политического текста*.

Изучению проблем дискурса и дискурсивных практик посвящено множество исследовательских проектов, авторы которых трактуют эти явления в различных научных измерениях. При этом сам термин “дискурс” является одним из наиболее сложных и менее всего поддающихся четкому определению понятий современных структурно-семиотических исследований. Считается, что истоки теории дискурса и методов его анализа следует искать в исследованиях языкового употребления, в социолингвистическом анализе коммуникации, логико-семиотическом описании разных видов текста, в моделировании порождения речи в когнитивной психологии, описании этнографии, коммуникации и антропологических исследованиях [2, с. 137].

Неоднозначность решения основных методологических вопросов, теоретических положений и терминологии в данном направлении языкознания отражается и при исследовании языка политики, описании его коммуникативных параметров и анализе единиц. Именно поэтому в предлагаемом исследовании поставлена *задача* рассмотреть соотношение важных для политической коммуникации понятий *текст, дискурс* и представить концепт как универсальную единицу дискурса.

Научная новизна работы состоит в следующем: 1) определяются конститутивные признаки политического дискурса как системы коммуникации и вида институционального общения, 2) предлагается идея рассмотрения политического текста как динамичной знаковой системы с определенной коммуникативной моделью, 3) дается характеристика концепта как универсальной единицы, организующей систему смысла текста.

При обосновании теоретической базы политического дискурса правомерно рассмотрение дискурса как речевой деятельности в определенном социальном пространстве со своей языковой спецификой и уровнем языковой компетенции.

Именно такой подход к исследованию внутренней организации дискурса обозначился в 50-х годах прошлого века с появлением научных трудов, посвященных функционированию сложных синтаксических конструкций: в теории синтаксиса полностью наметился выход за рамки одного предложения, что было обосновано в теории сверхфразовых единств Т. ван Дейка.

Как отмечается во многих лингвистических работах, термин *дискурс* имеет свою историю [3]. Так, Зеллиг Харрис в статье "Discourse analysis" (1952) впервые использовал термин *анализ дискурса* при дистрибутивном методе исследования связного текста и его социокультурной ситуации: "хотя мы и пользуемся формальными процедурами, сходными с дескриптивно-лингвистическими, мы можем получить новую информацию о конкретном изучаемом тексте, информацию, выходящую за рамки дескриптивной лингвистики" [4, с. 280]. Такой формалистический принцип теории З. Харриса был важен, как отмечает В. З. Демьянков, в аспекте соотнесения культуры и языка, т. е. языкового и неязыкового поведения [4, с. 281]. Понимание текста, высказывания, погруженных в определенную социокультурную ситуацию, легло в основу одной из теоретических интерпретаций дискурса. Как известно, в это же время под влиянием европейской школы лингвистики текста (Textlinguistik) анализ дискурса и лингвистика текста стали ассоциироваться как близкие, а иногда отождествляемые научные области. Только к концу прошлого века наметилась тенденция к разграничению этих двух лингвистических направлений: новые научные парадигмы пытаются определить статус текста и дискурса, место в языковой стратификации; отношение к языку (коду) и речи.

Так, по определению Т. А. ван Дейка, дискурс — это сложное единство языковой формы, значения и действия, которое соответствует понятию "коммуникативное событие" [5, с.46]. По мнению Н. Д. Арутюновой, в понятие "дискурс" необходимо вкладывать более широкое содержание, т. к. дискурс не ограничивается рамками текста, а включает также социальный аспект коммуникации. Н. Д. Арутюнова приводит следующее определение дискурса, в котором он объясняется через текст и речь: "Дискурс — связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагмалингвистическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания. ... Дискурс — это речь, "погруженная в жизнь" [2, с.136-137].

В. И. Карасик понимает дискурс как "текст, погруженный в ситуацию общения" [6, с.5]. А. В. Олянич полагает, что создаваемые человеком, произносимые и воспроизводимые им в графическом виде тексты внутри коммуникативного континуума и составляют понятие дискурса [7, с.38-39].

Так, контекстуальность и ситуативность как основные составляющие дискурса положены в основу определений М. Я. Дымарского: "дискурс — это текущая речевая деятельность в данной сфере" [8, с.19]) и В. П. Конечкой — как "творимого в речи связного текста" [9, с.106].

Показательно то, что анализ дискурса все более отчетливо приобретает не только коммуникативную, но и когнитивную направленность, стремление объяснить процессы взаимоотношения индивидуального и социального в жизни человека. Как отмечает Е. С. Кубрякова, "под дискурсом следует иметь в виду именно когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения, текст же является конечным результатом процесса

речевой деятельности, выливающимся в определенную законченную (и зафиксированную) форму [10, с.164]. Так, дискурс предстает как явление деятельностное, процессуальное, связанное с реальным речепроизводством, а текст — как продукт речепроизводства [10; 11].

Бесспорным является тот факт, что дискурс утверждает свое место в системе категорий коммуникации прежде всего через понятие “текст” (хотя таковым текстом в чистом виде не является), а также через понятие “речь”, а именно созданием определенного коммуникативного пространства, где и происходит коммуникативное событие, порождающее текст.

В работах последних лет дискурс рассматривается в аспекте “политического языка” и определяется как идиополитический дискурс, как “характеристика коммуникативного своеобразия агента социального действия” [12, с.198].

Такой подход интерпретируется идеями М. Фуко, в соответствии с ними под дискурсом понимаются “конкретные языковые практики, которые обеспечивают личностную идентичность, задают поле деятельности и систематически устанавливают ее объекты и тематики, о которых говорят” [13, с.125]. По сравнению с анализом дискурса З. Харриса европейский анализ дискурса ориентируется на философию текста, на объяснение явлений речевой деятельности, точнее — ее “исполнения” (perforance): “Надо говорить о содержании различных познаний, что рассеяно в каком-то конкретном обществе, пропитывает его и составляет в нем основу для образования, теорий, практик...” [14, с.109]. Западная коммуникативная лингвистика выводит политические тексты как дискурсивные практики в рамки коммуникативного пространства, подчеркивая при этом высокую степень чувствительности текстов к контексту социальной ситуации [15, с. 66]. При этом оказывается совершенно очевидным представление текста как “коммуникативного события”, с одной стороны, и как дискретной знаковой системы --- с другой, что вызывает ряд вопросов, связанных с порождением и пониманием текста, с диалогической природой общения, со смыслом текста и его прагматическими категориями.

Это приводит к мысли о том, что при коммуникативно-функциональном исследовании политического текста должна строиться коммуникативная модель представления текста. Анализируя текстовые категории, В. И. Карасик замечает, что “для лингвистики текста ... существенным является вопрос о тексте как процессе, и здесь структурная модель описания текста как самодостаточного герметичного образования становится недостаточно” [16, с.270].

Отметим, что уже в этимологии слова *текст*, восходящей к лат. *textum* — “связь”, “соединение”, заложена идея системной и структурной организации. Текст в структурно-семиотической парадигме трактуется как знаковая система и структура, организующая континуальную систему значений — смысл текста.

Таким образом, такой признак текста, как процессуальность смысла, позволяет представлять политический текст как динамичную знаковую систему и структуру. Такая динамика системы смысла и лежит в основе каждого коммуникативного события.

Коммуникативная модель политического текста как единицы дискурса должна характеризоваться многомерностью, т. е. выделением нескольких модулей: адресанта, адресата, текста как знаковой формы организации дискурса, кода культуры и семиотического универсума. По мнению А. П. Чудинова, “в содержание политического дискурса должны быть включены все присутствующие в сознании говорящего (пишущего) и слушающего (читающего) компоненты, способные влиять на порождение и восприятие речи: другие тексты, содержание которых учитывается автором и адресатом данного текста, политические взгляды автора и его задачи при создании текста, политическая ситуация, в которой создается и живет данный текст” [17, с.74].

Более того, коммуникативная модель дискурса обеспечивает взаимодействие всех модулей и демонстрирует его важнейшее интегральное качество — диалогичность [18, с.197].

Одним из наиболее устойчивых и универсальных элементов, организующих систему смысла текста, или его тематическое и коммуникативное единство, является концепт. При всем многообразии подходов к интерпретации концепта, отмеченных в лингвистических исследованиях последнего десятилетия, теория представления концепта как основной категории коммуникативной лингвистики далеко не однозначна. При этом не вызывает сомнений необходимость исследования самих концептуальных структур — “когнитивных карт”, организующих смысл текста. Представляя собой динамичные элементы системы смысла, концепты являются структурами, “контурами, конфигурациями, констелляциями некоторого будущего события”. По справедливому замечанию Жюля Делеза, “концепт творится, должен быть сотворен, не формируем. Чем более концепт творится, тем более он сам себя и полагает” [19, с.46].

Именно динамичность смысла, сочетание признаков системности и гибкости концептов составляют основную сложность исследования смысла текста любого типа. Являясь одной из текстообразующих категорий, концепт образует тематическое и коммуникативное единство текста, что позволяет строить его коммуникативную модель.

Таким образом, гибкие концептуальные структуры текста, представляющие собой систему в виде концептуальных полей, его зон или сегментов, обеспечивают организацию политического дискурса, делая его, в отличие от некоторых других видов, открытым и способным включать в себя концепты из других дискурсов с различными коммуникативными целями.

Литература

1. Караулов Ю. Н., Петров В. В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса// Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. — М., 1989. — 312 с.
2. Арутюнова Н. Д. Дискурс. Лингвистический энциклопедический словарь/ Под ред. В. Н. Ярцевой. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — С.136 -137.
3. Серио П. Как читают тексты во Франции//Квадратура смысла. Француз-

ская школа анализа дискурса./Под общ. ред. П. Серио. — М.:ОАО ИГ Прогресс, 2002. — С. 12-53.

4. Демьянков В. З. Доминирующие лингвистические теории в конце 20 ст.// Язык и наука конца XX века. — М.: Рос. гуманитар. ун-т, 1995. — С.239 — 320.

5. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. — М.: Прогресс, 1989.

6. Карасик В. И. О типах дискурса//Языковая личность:институциональный и персональный дискурс.-Волгоград: Перемена, 2000. — С.5-20.

7. Олянич А. В. Политико-экономический дискурс в программах высшего и дополнительного образования//Основное высшее и дополнительное образование: проблемы дидактики и лингвистики. -Волгоград: Политех, 2000. — С.38-43.

8. Дымарский М. Я Текст — дискурс — художественный текст//Текст как объект многоаспектного исследования. — СПб. — Ставрополь, 1998.

9. Конечкая В. П. Социология коммуникации. — М., 1997.

10. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа)// Язык и наука конца XX века.- М.: Рос. гуманитар. ун-т, 1995. — С. 144 — 238.

11. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М.- Волгоград: Перемена, 2000.

12. Паршин П. Б. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики//Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики — 2001. — М.: Азбуковник, 2001. — 360 с.

13. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. — М.: Касталь, 1996. — 448 с.

14. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. — М.: Практика, 2002. — 384 с.

15. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. -Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.

16. КуЯе Н. Diskurs und Metadiskurs als linguistische Objekte. Theoretische Anmerkungen zu den Begriffen//Массовая культура на рубеже XX-XXI веков: Человек и его дискурс. — М.: Азбуковник, 2003. — С. 66-80.

17. Чудинов А. П. Политический нарратив и политический дискурс//Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. — Екатеринбург, 2002. — Т.8. — С. 69-77.

18. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации. — К.: Фитосоциум, 2002. — 336 с.

19. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия/ Пер. с фр. и послесловие С. Н. Зенкина. — М., 1998.

Статья поступила в редакцию 14 февраля 2004 г.